

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-175-193

УДК 811.161.1'37:811.221.18

РЕДУПЛИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ОСЕТИНСКОГО ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАНТИКИ

Моргоева Л.Б.

Цель. Статья посвящена изучению феномена редупликации как одного из видов повторов, используемых в качестве способов построения новых слов. Эволюционные признаки редупликации показали ее неразрывную связь с морфологией, семантикой и синтаксисом. Автор ставит целью рассмотреть семантические и грамматические особенности образования и функционирования редупликативных форм в осетинском языке.

Метод или методология проведенной работы. Использованы методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. Объем и разнородность семантических различий вызвали необходимость в рамках данной статьи ограничиться единственным морфологическим классом, в качестве которого выступил глагол и его формы. Исследование показало, что практически все глаголы, исходя из собственной семантики, поддаются редупликации. Редупликативные формы образуются при помощи глагольных префиксов. В связи с этим рассматриваются все продуктивные превербы в осетинском языке на предмет определения их способности/неспособности к редупликации и выявления в образованных формах семантических и грамматических изменений. К грамматическим изменениям можно отнести формальный переход из простого глагола в именную часть сложного, а также изменение категории вида. К семантическим изменениям отнесены различные дополнительные смыслы, возникающие при редупликации с опорой на собственное значение словообразующих морфем. Причем в некоторых случаях они могут заменяться или приобретать противоположное значение в зависимости от контекста. Прове-

денный анализ позволил вывести основные типы редупликативных форм и их продуктивность.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут быть полезны при изучении морфологического статуса глагольных лексем в осетинском языке, а также при дальнейшем исследовании редупликации как лингвистического явления.

Ключевые слова: лексика; семантика; редупликация; контекстная семантика; осетинский язык.

REDUPLICATIVE FORMS OF THE OSSETIAN VERB IN THE ASPECT OF CONTEXTUAL SEMANTICS

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the phenomenon of reduplication as one of the types of repetitions used as ways of constructing new words. Evolutionary signs of reduplication have showed its inseparable connection with morphology, semantics and syntax. The author aims to consider the semantic and grammatical features of the formation and functioning of reduplicative forms in the Ossetian language.

The method or methodology of the work performed. Methods of the comparative and structural analysis as well as generalization are used.

Results. The volume and heterogeneity of semantic differences caused the need in the framework of this article to be limited to one morphological class, i.e. the verb and its forms. The study has showed that almost all verbs, based on their own semantics, are amenable to reduplication. Reduplicative forms are formed using verbal prefixes. In this regard, all productive preverbs in the Ossetian language are considered in order to determine their ability/inability to reduplication and identify semantic and grammatical changes in the educated forms. Grammatical changes include the formal transition from the simple verb to the nominal part of the complex, as well as a change in the category of the form. The semantic changes include various additional meanings arising from reduplication based on the proper meaning of word-forming morphemes.

And in some case, they can be replaced or acquire the opposite meaning depending on the context. The analysis allowed to deduce the main types of reduplicative forms and their productivity.

Practical implications. *The results of the study can be useful in the study of the morphological status of verbal lexemes in the Ossetian language, as well as in the further study of reduplication as a linguistic phenomenon.*

Keywords: *vocabulary; semantics; reduplication; contextual semantics; Ossetian language.*

Основные морфонологические процессы связаны с редупликацией, которая широко представлена в различного рода повторах слов и их частей, результатом которых становятся новых слов. Редупликация в каждом языке проявляется по-разному и имеет различную степень распространения: «В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоподражанием. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации» [4, с.13].

В осетинском языке редупликация является достаточно частым явлением и влечет за собой формальные, структурные и семантические изменения лексической единицы. Причем редупликации подвергаются как слова-ономатопы, для которых характерно ассоциативно-изобразительное восприятие, так и слова с самостоятельным логико-предметным значением.

Механизмы редупликации практически схожи, но формально-грамматические и семантические изменения в каждом случае происходят по-разному. В рамках типологических характеристик значения повторов могут быть разнообразными и выражать множественность, дистрибутивность, интенсивность, многократность, увеличительность [13].

Отдельные виды повторов в осетинском языке затрагивались в ряде работ, где выявлялись основные способы редупликации лексем и связанные с ним семантические изменения. [1; 7; 11]. Однако

существующих исследований, посвященных редупликации, недостаточно чтобы иметь полное представление о природе данного явления в языке и его значимости в речи: «Что касается грамматического использования данного явления, то оно не рассматривается вообще. Не принимается во внимание, что наряду с аффиксацией, внутренней флексией, сложениями, служебными словами, порядком слов и многими другими, редупликация может быть использована как грамматические средства при передаче того или иного грамматического значения [9, с. 68].

Следует сказать, что в осетинском языке повторы встречаются не только как стилистический прием в речи, но и как важный способ словотворчества, активную и главенствующую роль при котором играют приставки, на которые перекладывается большая часть смысловоразличительной нагрузки. Кроме того, они влияют и на изменение частеречного статуса слова и изменение некоторых грамматических категорий.

Среди многочисленных работ, посвященных различным видам повторов, встречаются классификации по частям речи, где парные слова подвергаются анализу по лексико-грамматическим разрядам [14]. Особенно ценным при этом является указание на звуковые чередования в глагольных формах, возникающие при их редупликации.

В осетинском языке значительная часть редупликативных форм слова встречается в глагольных лексемах. Однако возможен их переход и в отглагольное существительное, наречное слово и деепричастие. В ряде случаев могут представлять собой эквиваленты фразеологизмов в зависимости от контекстного употребления.

Помимо дополнительных смысловых оттенков, которыми нагружается слово при редупликации, оно еще способно изменять грамматическую категорию вида и формальные признаки. Противопоставления совершенного и несовершенного вида наблюдаются, к примеру, и в некоторых кавказских языках [8], причем параметры вида являются не постоянными, а обратимыми в зависимости от семантики самого глагола, поскольку именно она кодируется редупликацией [2].

В осетинском языке категория совершенного вида выражается при помощи продуктивных глагольных приставок, отсутствие которых позволяет глаголам сохранять несовершенный вид. Однако, помимо изменения категории вида, наличие или отсутствие приставок придает глаголам различные дополнительные смысловые оттенки, в том числе и оттенки субъективной оценки совершаемого действия. Наиболее ярко эти смысловые оттенки распознаются в контекстном окружении: «В зависимости от лексического значения глагола, времени глагола, контекста речи в целом и способности сочетаться с различными глаголами приставки могут сообщать глагольной форме, кроме видового значения, дополнительные семантические и грамматические оттенки значения» [5, с. 237].

Известно, что каждый префикс имеет свою семантику, благодаря которой изменяется характер действия, его направление, интенсивность и «адресация». Не акцентируя внимание на категорию переходности, отметим особенности глагольных приставок и характер их влияния на семантику и грамматическую форму слова.

Способность к редупликации отмечается практически у всех глаголов. Дублирование простого глагола приводит к образованию от него сложной формы, превращая его в дублированную именную часть сложного глагола исключительно при участии какого-либо преверба (*бадын* «сидеть» — *абад-абад каьнын* «присаживаться, периодически»).

Итак, в рамках одной части речи превербы используются в дублированных частях для семантической передачи интенсивности, кратковременности, бессмысленности, бесполезности, праздности, активности, периодичности и других оттенков совершаемого действия.

Наиболее распространенным в осетинском языке является чередование превербов с противоположными значениями (к примеру, *ра-* соответствует русскому *вы-* и *ба-* — русскому *за-*). В самостоятельном употреблении эти и другие превербы в осетинском языке могут сочетаться основами, результатом чего могут стать неожиданно выразительные смысловые оттенки.

Однако, в данной статье речь идет о дублированных словах, в которых указанные парные сочетания превербов с противоположной направленностью действия дают семантику динамичного движения или активности действия с дополнительными коннотативными смыслами исходя из логико-смыслового содержания основы. Примечательно, что в редупликативной форме слово теряет базовые грамматические признаки и становится именной частью сложного глагола, то есть, освобождаясь от грамматических признаков глагола, лексема может выполнять роль другой части речи, в зависимости от контекста: *батæхын* «залететь, забежать» при упомянутом способе редупликации приобретает форму *ратæх-батæх* «беготня».

Для сохранения глагольного статуса лексическое образование требует вспомогательного глагола *канын* «делать» как носителя грамматической информации. Сравним: *Йæ ратæх-батæхæй йын сфæлмæцыдтæн* «Надоела мне его беготня» И *Æнæпайда ратæх-батæх каены* «Бесполезно бегаешь (туда-сюда)»; *Уыцы раке-бакæ махæн слæудзæн тумантæ, æмбулгæ та дзы ракандзыстæм минтæ.* (*Хуыгаты С.*) – «Эта волокита нам обойдется в десятки рублей, а выиграем тысячи».

В зависимости от лексического окружения повторяемая лексическая часть может быть именной частью сложного глагола, а также выступать в качестве отглагольного существительного, и, помимо значения многократности, передавать целый ряд дополнительных смысловых оттенков разной степени интенсивности и продолжительностью во времени (*æппарын* «бросать, кидать» – *раппар-баппар* (*канын*) «кидание, бросание /кидать, бросать»; *лидзын* «бегать, убегать» – *ралидз-балидз* (*канын*) «избегание, беготня / избегать»; *тæрын* «гнать» – *ратæр-батæр* (*канын*) «гонение / гонять туда-сюда» и др.).

При наличии функционально-грамматических и собственных смысловых наполнений, глаголы в редуплицированном виде ведут себя несколько иначе, чем в исходной форме, причем как простые, так и сложные. Следует отметить, что при повторении глагольная форма трансформируется в именную часть сложного глагола при помощи вспомогательного глагола *канын* «делать».

Основная часть продуктивных глагольных префиксов в осетинском придает глаголам движения, перемещения и некоего процесса направление сверху вниз, снизу-вверх, из стороны в сторону на одной плоскости относительно говорящего и адресата речи. Остальные же смысловые оттенки, возникающие с присоединением префикса, можно считать различного рода субъективными интенсификаторами.

Почти все глаголы поддаются редупликации, при которой происходят семантические изменения, сопровождаемые дополнительными коннотативными оттенками за счет ослабления исходных денотативных компонентов. Часто это происходит с глаголами, в составе которых выделяются приставки, наделяющие слово семантикой движения и указывающие на его различные направления. В этом случае редупликация усиливает динамичность самого действия и его повторяемость с некоторой периодичностью.

Так, проверб *а-* семантически характеризуется как интенсификатор действия с небольшой протяженностью во времени. Интенсивность выражается во внезапности начала совершаемого действия и при этом кратковременного, но усиленного, активного исполнения. Эти значения рожают дополнительный смысл поверхностного и малозначимого, несерьезного действия или такового отношения к нему (*йæ фарсмæ абадын* «посидеть возле него» — действие, продолжающееся какое-то время или «внезапно сесть рядом»). Более отчетливо смысловые оттенки определяются в контекстном окружении, которое помогает активизировать тот или иной дополнительный семантический компонент, которым его наделяет сам проверб (*йæ фарсмæ æвиппайды абадын* «внезапно и быстро присесть рядом»).

Редупликация глаголов с данным провербом происходит двумя способами: а) в первом случае глагол повторяется без изменения, и указывает на действие, направленное в одну сторону, при этом процесс движения и перемещения в зависимости от собственной семантики слова и контекста приобретает оттенки периодичности, прерывистости, длительности, утомительности совершаемого дей-

ствия (*ахаец-ахаец* (*канын*) «толкание / толкать (постоянно, усиленно)», *рахас-рахас* (*канын*) «выносить (постоянно, часто)», *ауай-ауай* (*канын*) «выхождения / выходить (спешно и часто)».

Пр.: *Уынгма дæр уымаен куы рацыд, фæндагма дæр уымаен куы акаес-акаес каены*. (*Цæгæраты М.*) – «На улицу тоже для этого вышел, на дорогу тоже поэтому посматривает»; *Совхоз «Сæууон рухс»-ы сæрдар ыл йæхи асæрф-асæрф каены*. (*Ситохаты С.*) – «Председатель совхоза «Утренняя заря» об него постоянно обтирается»; *Ханафи йæ цæстытæ асæрф-асæрф каены*. (*Темыраты Д.*) – «Ханафи периодически вытирает свои глаза»; *Йæ цард йæхи къахæй ассон-ассон каены*. (*Дзабиты З.*) – «Свою жизнь собственной ногой попирает (усиленно)».

б) во втором случае префикс **а-** может быть присоединен к уже редулицированной именной части с противоположными по значению префиксами **ра-/ба-**: *аракаес-бакаес канын* «поразглядывать, (со всех сторон), пооглядываться (по сторонам), оглядеться вокруг (быстро, по сторонам)», *аразил-базил канын* «повертеть(ся) туда-сюда», *арахон-бахон канын* «поводить (туда-обратно), приглашать (взаимно, какое-то время)».

В случае полной дубликации семантическое наполнение лексемы указывает на повторяемость однообразного действия с некоторой периодичностью, а дополнительным смысловым значением является семантика настойчивости совершаемого действия: *бадзур-бадзур* (*канын*) «дозванивание / звать (звонить) постоянно», *бакаес-бакаес* (*канын*) «(по)дсматривание / посматривать (заглядывать) постоянно», *бацу-бацу* (*канын*) «захаживание / заходить, захаживать (постоянно, систематически)».

Следует отметить, что в полных повторах возможно употребление именной части самостоятельно без вспомогательных глаголов *канын*. Возможность употребления их в качестве субстантивов определяется способностью приобретать формы множественного числа (*бадзур-бадзуртæ* «звонки, оклики», *бакаес-бакаестæ* «взгляды, поглядывания» и под.) с сохранением дополнительных коннотативных смыслов.

Во втором случае префикс **a-** присоединяется в качестве дополнительного только к первой части редупликанта. При этом актуализируется семантика действия в интервале некоторого определенного промежутка времени с оттенком бесполезности, бессмысленности и безрезультатности совершаемого действия. Иными словами, если чередование превербов **ра-/ба-** наделяет глагольную форму движением «туда-обратно» с оттенком праздной суеты, то в сочетании с превербом **a-** появляется семантика временности.

Схематически это выглядит следующим образом: **a+pa+у-ай-ба+уай** каэнын «походить туда-сюда»; *аратæх-батæх каэнын* «побегать туда-сюда».

Именная часть таких сложных глаголов не используется самостоятельно и не выполняет функциональную роль иной части речи. Они имеют только глагольную форму.

Приставки **ба-** и **ра-** имеют схожие значения с той лишь разницей, что указывают на противоположное друг другу направление действия относительно говорящего или объекта и совершателя действия. [7, с. 86; 5, с. 239-240; 3, с. 286]. На основании этой противоположности значений данные превербы могут встречаться в парной редупликации именной части сложного глагола, придавая совершаемому действию, в зависимости от контекста, значение временного и пространственного ограничения, и в то же время периодичности этого действия, его бесполезности, поверхностного или настойчивого исполнения.

Повторы глаголов с этими превербами также проходят двумя способами: а) полное повторение частей с одним и тем же превербом (*Байгом-байгом каэнын* «открывать постоянно (с некоторой степенью настойчивости и бесполезности)», *базмæл-базмæл каэнын* «шевелиться (изредка, временами)», или *райс-райс каэнын* «брать постоянно, часто», *рабад-рабад каэнын* «вставать постоянно (в кровати)», *ракаес-ракаес каэнын* «выглядывать постоянно»);

б) чередование превербов **ра-/ба-** в редупликативных частях (*райгом-байгом каэнын* «открывать постоянно», «открывать-закрывать»; *ракаес-бакаес каэнын* «разглядывать со всех сторон», «огля-

дываться по сторонам»; *рахæс-бахæс кæнын* «носить туда-сюда», «выносить-заносить»; *райс-байс кæнын* «брать постоянно», «брать-класть», «перекладывать постоянно»; *рабад-бабад* «пересаживаться постоянно», «рассиживаться» и т.д.). Пр.: *Æнæ дзæгъæл ракæ-бакæйæ мае куы бамбарид. Лæгъстæ кæнынæй мын æнаддæр ницы ис.* (Цомартаты И.) – «Поняла бы (она) меня без лишней волокиты. Неприятней всего для меня упрашивания»; *Маейы рухсмæ нымæст йæ иу къухæй иннæ къухмæ райс-байс кодта. Цыдæр дзы агуырда. Фæлæ цы?* (Цагартаты М.) – «Под лунным светом перекладывал (все время) свою шапку с одной руки в другую. Что-то в ней искал. Но что?»; *Сæ иуæй иннæмæ райс-байс кодта йæ цæстæнгас, стæй йæ Джакъойыл фæурæдта.* (Сечъынаты Л.) – «С одного на другого (постоянно) переводил свой взгляд, потом остановил на Джакъ».

Изменения семантических оттенков особенно заметны даже вне контекста при подборе лексического соответствия в русском языке. Варьирование дополнительных оттенков в значении также очевидно. Пожалуй, это наиболее распространенная и устойчивая пара провербов в осетинском языке, используемая при редупликации глагольных лексем.

Примечательно, что при повторях в именной части сложных глаголов семантика основательности исчезает и ослабевает семантика начала действия, стремительности и интенсивности, поскольку редупликация наделяет значением периодичной повторяемости действия, а значит исключается семантика основательности и завершенности. Вместо этого возникает семантика неполного совершения действия, отсутствие его окончательности. Таким образом деактуализируются дополнительные смыслы «обычности протекания действия», «изъятия, извлечения, отделение чего-либо» [3, с. 287].

Удвоению могут подвергаться и глаголы с другими провербами со значением направления движения, но отмечаются незначительные отличия и расхождения.

Преверб *æр-* из всех ранее описанных значений [5, с. 241; 3, с. 287] при удвоении также образует именную часть сложного глагола и сохраняет лишь значение направления движения сверху

вниз. Остальные дополнительные смыслы контекстуального значения нейтрализуются при дублировании, поскольку повторяемость действия исключает семантику необычности (ср. *Æрфæнды йæ æркафын* «Бывает захочется ему станцевать» – *æрфæнд-æрфæнд æй кæны* «часто (несмело) ему хочется» – *æркаф-æркаф кæнын* «пританцовывать (периодически, часто, неуверенно)»).

Пр.: *Ноджыдаер ма иу дохтыр Даримæ æруай-æруай кæны. Рынчындоны базонгæ сты. (Ситохаты С.)* – «Еще врач один к Дари захаживает (часто). В больнице познакомились»; *Йæ сахатмæ æркаес-æркаес кæны. (Цомартаты И)* – «Поглядывает (постоянно) на свои часы».

По этой же причине неактуальным становится семантика тщательности и основательности действия, свойственная исходной форме. Вместо этого в редулицированном виде появляется другое семантическое наполнение, сообщающее нам о незавершенности действия и его поверхностном исполнении (Ср. *æркасын* «рассмотреть, посмотреть (сверху вниз)» и *чынгмæ æркаес-æркаес кæнын* «подсматривать в книгу»; *æрæвналын* «дотронуться (наклонясь)» – *æрæвнал-æрæвнал кæнын* «наклоняться за чем-либо (постоянно)»; *æрцу-æрцу кæнын* «приходить постоянно (откуда-то)» и т.д.). В редуликативной форме может меняться как семантическое значение, так и стилистическая окраска слова: *кувын* «молиться» — *сарæй æркув-æркув кæнын* «головой кивать, кимарить»; *æрбырын* «приползти» *Æрбыр-æрбыр кæнын* «сползать (периодически, часто)»).

Необходимо отметить, что не все глаголы с префиксом *æр-* способны к редуликации, а лишь те, что в силу собственного логико-смыслового наполнения могут выступать как повторяющиеся действия.

Случаи редуликации глагольных частей с превербом *æр-* относительно редки. И семантика в них так же подвержена изменению в части обычности действия, и его основательности. Они, так же, как и в случае с остальными превербами, приобретают семантику незавершенного действия и протяжности во времени.

Противоположным по значению является преверб *с-*, основным видимым значением которого является указание на действие,

направленное снизу вверх. Остальные смысловые наполнения являются дополнительными и являются сугубо контекстуальными. Так, оттенок моментальности и быстроты совершения действия или начала этого действия сохраняется лишь в случае с повторами глаголов, имеющих звукоизобразительную природу возникновения, поскольку в них любой преверб присоединяется только в первой части редупликанта [11], тогда как в глаголах с собственным логико-смысловым значением преверб сохраняется в обеих частях. Ср.: *сәер срис-срис кәны* «голова периодически побаливает», *скъәер-къәер кәнын* «затрещать». Исходя из этого, оттенки моментальности и быстроты совершения действия, неопределенности и обычности его протекания [5, с. 243], так же как и семантика полноты и основательности действия [3, с. 288], отходят на второй план при редупликации глаголов с данным превербом. При редупликации из всех дополнительных значений сохраняется только семантика начала действия или процесса, а может обозначать попытки начать это действие: *схәц-схәц кәнын* «поднимать (периодически), пытаться поднять»; *сдзур-сдзур кәнын* «пытаться сказать, заговаривать»; *скъуыр-скъуыр кәнын* «спотыкаться, наткаться, (часто)», *суас-суас кәнын* «пытаться завить, издать звук».

Пр.: *Энвер ын цы зәгъа, уый нә зоны аема ницы дзуры, әрмест йә уәхсчытыл схәц-схәц кәны. (Цомартаты И.)* – «Энвер не знает, что ему сказать, только (все время) пожимает плечами»; *Асланбег мае фарсма бадт, нозтджын ләджды ныхәстәм хъуыста аема аивай йә хәдзары сәрмае скәс-скәс кодта. (Цәгәраты М.)* – «Асланбек сидел рядом, слушал разговоры выпившего человека и незаметно (все время) поглядывал на крышу своего дома».

Глаголы с превербом *с-* практически во всех своих описанных значениях способны удваиваться и усиливать тем самым имеющиеся значения, которыми их наделяет сам преверб. Кроме того, в каждом случае добавляется оттенок неполноты совершаемого действия или попытки совершить его. Для усиления интенсивности передаваемого действия в разговорной речи встречаются парное дублирование *с-/әр-* по аналогии с парными превербами *ра-/ба-*:

схæц-æрхæц кæнын «тянуть, оттягивать (какое-либо дело)», *сис-æрис кæнын* «поднимать-спускать (бесполезно, утомительно)»; *сцу-æрцу кæнын* «сходить-приходить (бесцельно, бесполезно)» и под. В этом случае основной акцент делается на направление движения сверху вниз и обратно, что создает эффект утомительного протяжного действия, не имеющего завершения.

Пр.: *Сым-съем æмæ схæц-æрхæц сты адамы цыфыддæр знæг-тæ æмæ сыл мах дæр нæ къух ауигъæм. (Ситохаты С.)* – «Сопение и волокита являются заклятыми врагами людей, и мы тоже махнем на них руку».

Что касается остальных продуктивных глагольных превербов в осетинском языке, то они редко встречаются в редуприкативных формах, хотя гипотетически нет никаких формальных препятствий для этого.

Преверб **ны-**, так же как предыдущие превербы, указывает на направление действия, в данном случае сверху вниз, но основным его семантическим компонентом является значение интенсивности, которым наделяется глагол с его участием и, как правило, доминирует: *зæрдæ нырризы, ныккæрзы* «сердце дрожит, содрогается (сильно)»; *къæдзæхтæ ныннæрынц* «горы сотрясаются»; *зынтæн ныффæразын* «трудности стерпеть, натерпеться»; *сугтæ ныссæт-тын* «дрова наломать» [10].

Очевидно, что сочетание значений «интенсивной направленности» действия существенно сужает круг семантически допустимых глаголов, которые могут быть редулицированы, и, самое главное, когда это удвоение может быть оправдано и актуально в контексте. В основном это глаголы движения изначально с ослабленной семантикой интенсивности, которая при удвоении «стирается»: *ныхау-ныххау кæнын* «проваливаться (постоянно)», *ныххиз-ныххиз кæнын* «спускаться вниз (постоянно)» и др. Таким образом, при возможной редуликации именная часть образованного сложного глагола теряет свою интенсивность, основательность и завершенность, полноту, иногда грубость и приобретает смысловые оттенки многократности однообразного действия, его безуспешности.

Сугубо контекстуальным является удвоение глаголов с превербом **æрба-** в именной части. Будучи сложной приставкой, образованной из превербов **æр-** + **ба-**, она придает глагольным образованиям оттенки «внезапности, моментальности совершения действия, зависящей, большей частью, от лексического значения самого слова» [5, с. 242], «значение неожиданности, быстроты, неосновательности действия» [3, с. 289]: *æрбаргæвдын* «прирезать (внезапно)», *æрбарынчын уæвын* «заболеть (внезапно)», *æрбамалын* «умереть (внезапно, неожиданно)» и т.д. Дублирование таких глаголов коммуникативно неоправданно, поскольку семантика «внезапности» и другие дополнительные смыслы, которые несет сам преверб, включают возможность повторения этого действия.

Как и в случае с превербом **ны-**, удвоение возможно при актуализации семантики направления движения, действия (*æрбакаес-æрбакаес кæнын* «заглядывать, посматривать (периодически, временами)»; *æрбацу-æрбацу кæнын* «приходить (постоянно и часто)») или длительно повторяющегося процесса (*æрбадзур-æрбадзур кæнын* «звать, звонить (постоянно, настойчиво)» и т.д. Причем редуцированный глагол семантически подразумевает повторяющееся действие с постоянным возвращением на исходную позицию. Таким образом, если *æрбацауын* («прийти») означает движение, совершенное из одного пункта в другой, то *æрбацу-æрбацу кæнын* («постоянно приходить») означает действие, совершаемое периодически с постоянным возвратом на исходную позицию.

Фæ- является наиболее отвлеченной приставкой из всех перечисленных. Она совершенно утратила свое былое пространственное значение, что дает ей возможность вступать в соединение почти со всеми глаголами. [5, с. 245–246]. Основными значениями этой приставки являются моментальность и внезапность действия, длительность и обстоятельность действия, обычность и постоянство. В силу своей пространственной «универсальности» глаголам перемещения могут придавать «значение с любым направлением от говорящего (в сторону в прямой плоскости, внутрь, вниз, наружу,

вверх) (*фаѳауың хохма* «идут, отправляются в гору», *фаѳасың хор* «везут, (от)возят зерно»)» [3, с. 289].

С данным провербом удваиваются только глаголы, которым проверб придает оттенок внезапности. *Ферттив-ферттив каэнын* «мелькать, поблескивать (неожиданно, внезапно)», *февнал-февнал каэнын* «братся, приступать, начинать (внезапно, вдруг)»; *фаѳау-фаѳау каэнын*, «падать, отрываться, выпадать (внезапно, неожиданно)»; *фестъэлф-фестъэлф каэнын* «вздрагивать» и под.

Пр.: *Уаѳа айфыццаг рынчын родаен аѳсыр куы дардтам, уаѳ-иу да баэрзайма цамаен февнал-февнал кодтай...* (*Ситохаты С.*) – «Почему тогда недавно при кормлении теленка ты частенько хватался за шею»; *Рахиз къухай йа сарма февнал-февнал каэны*. (*Цомарта-ты И.*) – «Правой рукой постоянно дотрагивался до своей шеи».

Глагольная приставка **фаѳ-** может присоединяться к уже образованному редуликанту и функционировать по той же схеме, что и приставка, *а-*, а именно: **фаѳ-** + *ра* + *каэн* – *ба-* *каэн*. Но в отличие от приставки *а-*, наделяющей редулицированный глагол семантикой кратковременности и внезапности, приставка **фаѳ-** придает повторяемому действию затяжной характер.

Пр.: *Знон ма амбырды бире фаѳракаѳ-бакаѳ кодтой, стай ма ныхъхуытты уагътой*. (*Цагаераты М.*) – «Вчера еще на собрании долго мучили, потом оставили меня в покое».

Итак, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что основная часть глаголов склонна к редуликации полной или частичной. Редуликативные формы образуются при помощи провербов с различной семантической нагрузкой и способствуют выражению различных коннотативных оттенков, которые зависят от контекстного употребления того или иного редулицированного глагола. При этом семантические расхождения могут быть как явными, так и незначительными, скрытыми.

Исследование показало, что редуликации могут подвергаться исключительно простые формы глаголов, которые при этом переходят в именную часть сложного глагола, самостоятельно способную выполнять функции субстантива.

Весьма важным наблюдением является и то, что глаголы совершенного вида, которые в осетинском языке образуются при помощи провербов, при редупликации переходят в несовершенный вид с сохранением тех же провербов.

Список литературы

1. Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды Института языкознания. М., 1956, Т.6/ С. 409–427.
2. Алисултанов А.С. Редупликация в лексической системе лезгинских языков. Махачкала: ДГПУ, 2012. 140 с.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык: Учебное пособие для вузов. Ордзоникидзе, 1965. Ч. I. 487 с.
4. Бекташ Локман «Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках», дисс... канд. фил. наук. Душанбе, 2015. 198 с.
5. Грамматика современного осетинского языка. / Под. ред. Г.С. Ахведиани. Ордзоникидзе, 1963. Т I. 367 с.
6. Дзодзикова З.Б. Современный осетинский язык (фонетика, лексика и фразеология, словообразование). Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 159 с.
7. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. Москва: Наука, 1966. 223 с.
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. 226 с.
9. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: дисс... докт. филол наук. М., 2004. 183 с.
10. Моргоева Л.Б. Контекстное варьирование внутренней семантики глагольных номинаций в осетинском языке. Известия СОИГСИ. Вып. 33(72) 2019. С. 63–73.
11. Моргоева Л.Б. Структурно-семантические особенности звукоизобразительных единиц в языке и тексте. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 22. С. 78–86.
12. Осетинско-русский словарь /под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

13. Панфилов К. «Типологическая реконструкция древнейших языковых состояний. URL: <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?linguistics-reconstr> (дата обращения: 23.09.2019).
14. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum. Heidelberg, 1928. 411 S.

Источники иллюстративного материала

1. Дзабиты Д. – Дзабиев З.Т. Статьи об осетинском языке. (на осет. яз.) Цхинвал: Дом печати. 2010. 149 с.
2. Ситохаты С. – Ситохов С.А. Расцвет любви. (на осет. яз.) Владикавказ: Алания, 2007. 288 с.
3. Темыраты Д. – Темираев Д.С. Орлиная гора. (на осет. яз.) Орджоникидзе: «Ир», 1978. 245 с.
4. Цомартаты И. – Цомартов И.Р. Мост из волосинки: (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1987. 400 с.
5. Цæгæраты М. – Цагараев М.Н. Избранные произведения. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир. 1975. 488 с.
6. Хуыгаты С. – Хугаев Г.Д. Честь отцов. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1979. 289 с.
7. Сечъынаты Л. – Секинаев В.Д. Алагирские картины. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1963. 168.

References

1. Abaev V.I. *Mimeo-izobrazitel'nye slova v osetinskom yazyke. Trudy Instituta yazykoznaniiya* [Mimeo-pictorial words in the Ossetian language. Proceedings of the Institute of linguistics]. Moscow: 1956, V. 6. pp. 409–427.
2. Alisultanov A.S. *Reduplikatsiya v leksicheskoy sisteme lezginskikh yazykov* [Reduplication in the lexical system of the Lezgin languages]. Makhachkala: DGPU, 2012. 140 p.
3. Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk* [The modern Ossetian language: Textbook for universities]. Ordzonikidze, 1965. Ch. I. 487 p.
4. Bektash Lokman. *Struktura i semantika reduplikatsii v turetskom i tadzhikskom yazykakh* [Structure and semantics of reduplication in the Turkish and Tajik languages]. Dushanbe, 2015. 198 p.

5. *Grammatika sovremennogo osetinskogo yazyka* [Grammar of the modern Ossetian language]. Ordzonikidze, 1963. T. I, 367 p.
6. Dzodzikova Z.B. *Sovremennyy osetinskiy yazyk: fonetika, leksika i frazeologiya, slovoobrazovanie* [The modern Ossetian language: phonetics, vocabulary and phraseology, word-formation]. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 2017. 159 p.
7. Isaev M.I. *Digorskiy dialekt osetinskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Digor dialect of Ossetian language. Phonetics. Morphology]. Moscow: Nauka, 1966. 223 p.
8. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Glagol* [Comparative study of Dagestan languages. Verb]. Moscow: MGU, 1988. 226 p.
9. Minlos F.R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochno-slavyanskikh yazykakh* [Reduplication and paired words in the Eastern Slavic languages]. Moscow, 2004. 183 p.
10. Morgoeva L.B. Kontekstnoe var'irovanie vnutrenney semantiki glagol'nykh nominatsiy v osetinskom yazyke [Contextual variation of internal semantics of verbal nominations in the Ossetian language]. *Izvestiya SOIGSI*. 2019. Vyp. 33(72). P. 63-73.
11. Morgoeva L.B. Strukturno-semanticheskie osobennosti zvukoizobrazitel'nykh edinits v yazyke i tekste. [Structural and semantic features of sound units in language and text]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. Issue 22. P. 78–86.
12. Guriev, T.A. (ed.) *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Vladikavkaz, Alaniya, 2004. 540 p.
13. Panfilov K. *Tipologicheskaya rekonstruktsiya drevneyshikh yazykovykh sostoyaniy* [Typological reconstruction of ancient linguistic states]. URL: <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?linguistics-reconstr>.
14. Hirt H. *Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum*. Heidelberg, 1928. 411 S.

The illustrative sources

1. Dzabity D. – Dzabiev Z.T. *Stat'i ob osetinskom yazyke* [Articles about Ossetian language] (na oset. yaz.) Tskhinval: Dom pechati. 2010. 149 p.

2. Sitokhaty S. – Sitokhov S.A. *Rastsvet lyubvi* [The Blossoming of Love] (na oset. yaz.) Vladikavkaz: Alaniya, 2007. 288 p.
3. Temyraty D. – Temiraev D.S. *Orlinaya gora* [Eagle Mountain] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: «Ir», 1978. 245 p.
4. Tsomartaty I. – Tsomartov I. R. *Most iz volosinki* [Bridge of Hair] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir, 1987. 400 p.
5. Tsægæraty M. – Tsagaraev M.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir. 1975. 488 p.
6. Khuygaty S. – Khugaev G.D. *Chest' otsov* [Honor of Fathers] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir, 1979. 289 p.
7. Sech'ynaty L. – Sekinaev V.D. *Alagirskie kartiny* [Picture of Alagir] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir, 1963. 168 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
Владикавказского научного центра РАН РСО-Алания
проспект Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания,
362000, Российская Федерация*
Lalik_m@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa Batrazovna, Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
*North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Mira Prospect, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation*
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018